КРОКОДИЛ

№ 37—38 МОСКВА 1944 ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА» ГОД ИЗДАНИЯ XXIII ЦЕНА НОМЕРА — 80 КОП.

Рис. Л. Бродаты

„Вой и стенанье несутся со страниц гитлеровской печати."

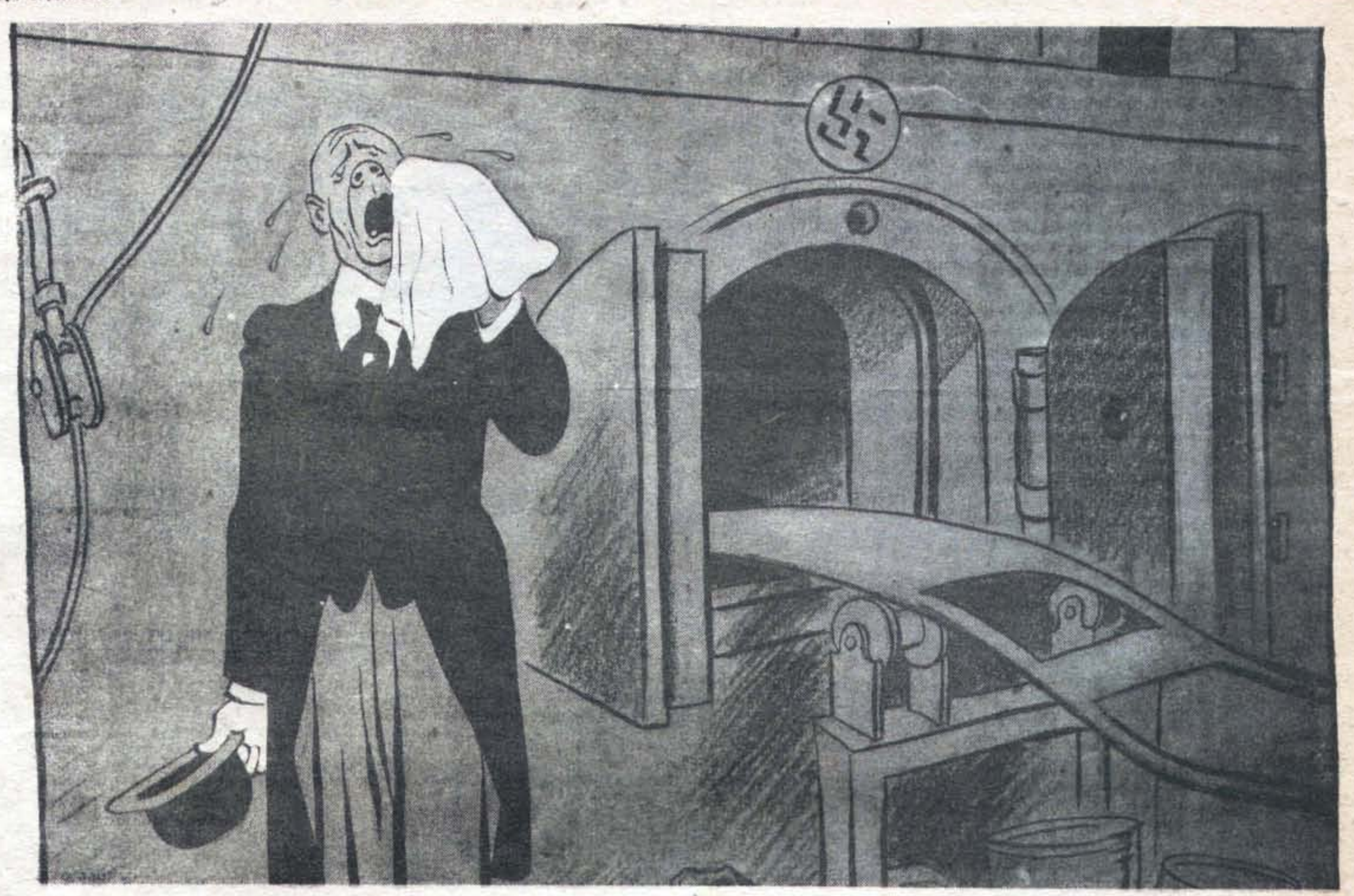
АНСАМБЛЬ ВОЯ И ТРЯСКИ

Выступление в связи с вторжением русских войск в Восточную Пруссию.

«ДОБРЯК» В МАЙДАНЕКЕ

Рис. Бор. Ефимова

Посвящается мистеру Блейсфорду, автору вышедшей в 1944 году книги в защиту Германии.

— Бедные немцы! Как им было жарко работать у этих печей!..

Вопросы и ответы

ВОПРОС:

Дорогой Крокодил! Не откажи в любезности и разъясни мне: что такое мимикрия?

Л. Павлушкин,

г. Сызрань, Куйбышевской обл.

ОТВЕТ:

Недавно один пленный немецкий фельдфебель рассказал на допросе.

В Берлине, у пункта по тотальной мобилизации, выстроился огромный хвост. Один старик стоял часа два в ожидании своей очереди. Наконец, он рассвирепел, выхватил нож и крикнул:

— Пойду и зарежу Гитлера!

И он ушёл. Вернулся через час. Его спрашивают:

— Ну что, зарезал?

Старик махнул рукой:

— Там тоже большая очередь...

Гитлеровец, рассказав этот анекдот, заискивающе посмотрел в глаза нашему майору, который его допрашивал: дескать, вот я какой хороший парень и какие антифашистские штучки распространяю...

Надо полагать, что когда Берлин будет оккупирован, найдётся там немало фашистских выродков, старых и молодых, которые будут клясться, что они были против войны, против Гитлера, и каждый из них будет уверять, что это именно про него рассказывали тот самый анекдот. Это именно он хотел зарезать Гитлера.

Подделываться под окружающую среду, менять окраску — это и называется мимикрией.

Думаем, что немецкая мимикрия никого не введёт в заблуждение. Мы давно знаем, что такое волк в овечьей шкуре.

ВОПРОС:

Что такое бешенство и как с ним бороться?

Фельдшерский ученик **Ф. Зубков.**

Село Орехово, Рязанской обл.

ОТВЕТ:

Бешенство является крайне опасной болезнью. Причина заболевания — укусы бешеных животных: собак, кошек и пр.

В борьбе с бешенством известны два основных метода: метод французского учёного Луи Пастера и метод турецкого самоучки журналиста Ялмана.

По методу Пастера, бешеное животное следует немедленно убить, а пострадавшим необходимо сделать защитные уколы — прививки.

Метод Ялмана резко отличается от метода Пастера.

Ялман рекомендует делать прививки не тому, кого укусили, а тому, кто укусил. То есть бешеной собаке. По методу Ялмана, к бешеной собаке следует относиться гуманно и даже ласково, чтобы, не дай бог, не обидеть её и не ущемить её гордость.

Научные эксперименты Пастера проводились в основном над морскими свинками.

Объектами Ялмана являются свиньи более крупные — главари гитлеровской Германии.

ВОПРОС:

Прошу сообщить мне: как переводится на немецкий язык слово «поражение»?

М. Копылова.

г. Загорск, Московской обл.

ОТВЕТ:

В переводе на современное фашистско-немецкое наречие слово «поражение» в сокращённом виде звучит так: «планомерные отходные движения, предусмотренные германским командованием».

Эта фраза сейчас, сами понимаете, наиболее ходкая в немецкой печати и радиопередачах.

Недаром заграницей имеет большое распространение следующий анекдот.

Сидит мрачный Гитлер над картой военных действий и уныло бормочет:

— Таллин сдали... Ригу сдали... Рахов в Чехословакии сдали...

Вдруг вбегает адъютант с телеграммой:

— Фюрер, телеграмма от вашего племянника из военного училища. Сообщает, что он не сдал ни одного экзамена...

Обрадованный Гитлер вскочил с места:

— Вот спасибо... Вот спасибо... Хоть этот ничего не сдал..

Всяк утешается по-своему.

Б. САВЕЛЬЕВ

ОТ СОБСТВЕННОГО КОРРЕСПОНДЕНТА

БЕРЛИН. Имперское географическое общество с удовлетворением отмечает, что Восточная Пруссия вполне оправдывает своё название. Её границы могут в ближайшее время оказаться значительно восточнее расположения советских войск.

ТИЛЬЗИТ. В связи с массовыми налётами советской авиации на Тильзит местные сыровары частично сократили производство знаменитого тильзитского «сыра со слезой». В настоящее время производятся только слёзы.

СТОКГОЛЬМ. Отмечая, что Красная Армия вошла в Венгрию, местная печать указывает, что в связи с этим у Венгрии остался лишь один выход — выход из войны.

БУХАРЕСТ. Городское самоуправление объявило, что по не зависящим от него причинам одесский тролейбус, курсировавший по бухарестским улицам, меняет маршрут и впредь будет курсировать по старой линии в городе Одессе.

МЮНХЕН. В связи с успешными действиями англо-американских войск нам сообщают, что все надежды немцев на удержание Аахена аахнули.

БЕРЛИН. Имперское министерство торговли наднях обрадовало население сообщением, что Германия возобновляет широкую торговлю с Америкой. Германия уже предложила США партию выдержанных в концлагерях американских граждан по сходной цене. К сожалению, покупатель не желает понять всей выгоды этого предложения и утверждает, что Германия сама заплатит за всё.

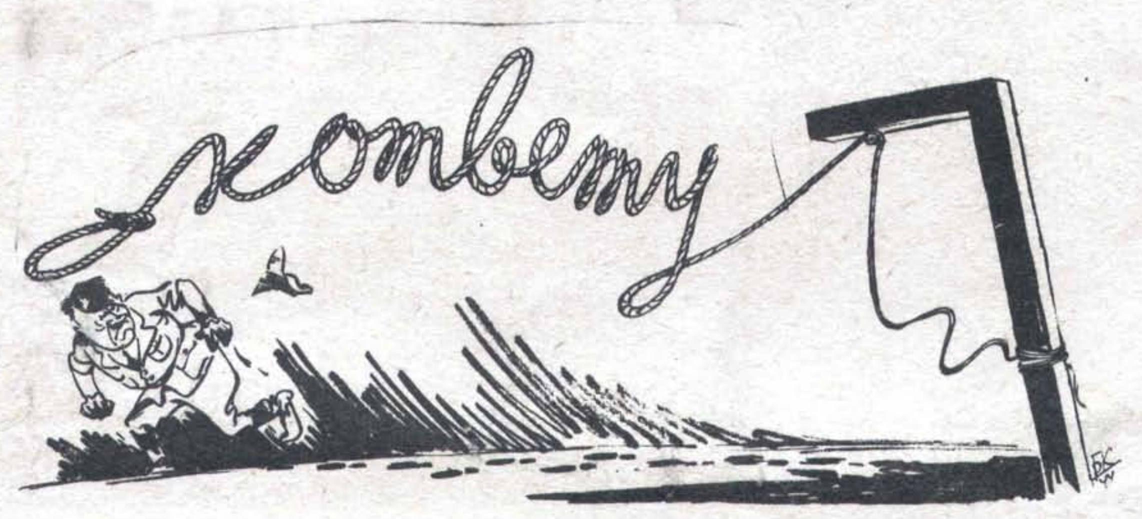

Рис. В. Клинча

Мечты, мечты...

— О, ЕСЛИ БЫ я была любовницей фюрера! — сказала однажды Шарлотта Кейлер, тихо взвизгнула и закрыла рот пальцами, похожими на сырые сосиски.

Её муж, старый Гуго Кейлер, по призванию и по убеждению кабатчик, был сначала немало удивлён. Но разговор происходил летом 1941 года. Старый Гуго подумал, подумал и решил, что фантазия жены не так уж плоха:

— А всё же, моя милая, расскажи, как ты это практически мыслишь?

Шарлотта закатила глаза и заломила пальцы-сосиски:

— Москва... Главная улица в Москве — Шарлоттенштрассе! Моя улица! И по моей улице гуляю только я одна в соболях и в котиках. Если кто-либо осмеливается...

— Ага, правильно!.. То я немедленно стреляю из пистолета! Я надеюсь, что фюрер оценил бы моё рвение в деле охранения приятной ему особы.

Шарлотта мечтательно улыбнулась:

— Красивенький город на Дону также носит моё имя — Шарлоттенштадт! Все русские передо мной снимают шапки и кланяются в пояс. А кто не...

— Правильно! В того я стреляю, Лотхен. А не грех, если бы и мне перепало что-нибудь из недвижимости?

— Конечно, фюрер был бы так щедр! На деревеньку или даже на две, с тысчонкой крепостных, ты вполне мог бы рассчитывать. О, если бы!..

Мечта накрепко поселилась в доме Кейлеров. Только её очертания менялись с течением времени. А время шло бодро. Оно было себе на уме и знало, на кого работать.

В 1942 году Шарлотта сказала:

— О, если бы я была возлюбленной фюрера! Нет, конечно, я бы не поселилась в городке на Дону: и далеко, и глухо, да и сообщение, кажется, уже прервано. Но я бы знала, что делать! Все ценности: золото, серебро, парчу, туфли, чулки и кастрюли — всё в дом, всё в дом, нах фатерланд. Столовая — стиль «бояр». Спальня — стиль «рюс»...

— Дорогая, не забудь меня, — солидно сказал Гуго. — Я слишком деликатен, чтобы тебя беспокоить, я устроился бы где-нибудь на кухне (на большее я не претендую), но чтоб уж в кухне был, по крайней мере, стиль «кольхоз» — всего в изобилии!

— О, если бы...

В 1943 году грубо постучали в дверь и принесли извещение: кабачок закрывается, сам Кейлер мобилизуется на фронт.

— О, Шарлотта, если бы ты была любовницей фюрера, ты бы, конечно, отстояла и своего старого Гуго и кабачок! Нет, старая лоханка, ты, видимо, не способна ни на что путное!

Теперь над городом летали «крепости» и уцелевшие дома дрожали, как в лихорадке, сотрясая все свои внутренности. Шарлотта сидела в тесном, вонючем убежище и по привычке мечтала:

— О если бы я была его возлюбленной! Я бы день и ночь не вылезала из самого, самого глубокого убежища!..

В один прекрасный день к ней в дом привели целую ораву перепуганных соотечественников с узлами, тюфяками и прочим скарбом:

— Беженцы из Восточной Пруссии. Ничего, что тесно. Теперь в Германии всем тесно. Не бог весть какая особа, извольте потесниться!

— О, если бы!... — застонала Шарлотта: — Я бы показала вам особу! Я бы не впустила к себе ни одного паршивого беженца!

А вот ещё приятная новость — это ограничение хлебных норм! Шарлотта бережно жевала свой кусок эрзаца и горько думала:

«Будь я его возлюбленной, я бы хоть ела досыта, и то хлеб...»

С фронта притащился старый Гуго Кейлер, получивший там хорошую порцию русского свинца:

— Ну, как, Лотхен? Из твоей мечты таки ничего и не вышло?

Она молча пожала плечами. Тогда он прошептал ей в ухо:

— Нет худа без добра. Упорно поговаривают, что фюреру скоро, — он сделал рукой по шее, — капут! Вероятно, предстоит — тсс! — суд и всё, из этого вытекающее. Хороша бы ты была, милочка!

— О, если бы я была его любовницей! — запальчиво сказала Шарлотта. — Не беспокойся, я бы уж давно подумала, как бы выйти сухой из воды. И на суде я бы изловчилась и выступала только в качестве свидетельницы или даже пострадавшей! Вот именно, я бы дала понять, что я жертва принуждения! Я бы сказала: не имеете права подозревать кристально чистую немецкую фрау! Я вовсе не хотела этого сумасшедшего фюрера!

— А как же обстояло бы дело со спальней стиль «рюс»?

— Ах, к тому времени, может быть, всё это так или иначе разбомбилось бы — и никаких улик! Но, во всяком случае, Гуго, давай условимся: с сегодняшнего дня ни полслова о мечте! Мы тихие, мы смирные — и никакой мечты!

В. КАРБОВСКАЯ

ВЕНГЕРСКАЯ ДРАПСОДИЯ

К. Елисеева

Под ударами Красной Армии немецко-венгерские войска в Карпатах оставляют одну позицию за другой.

— Куда отступаешь?
— Не знаю! Им с горы виднее!

Большое событие

Артистка драмы Снегова и артистка эстрады Бойко случайно встретились в гастрономическом магазине. Тут же, в мясном отделении, они нежно расцеловались.

Бойко твёрдо знала, что она целуется с работником искусства, но даже под пыткой она не могла бы назвать ни фамилии, ни имени-отчества этой маленькой женщины. Тем более что она была страшно близорука и даже раз приняла водный киоск за знакомого рецензента.

Сейчас, глядя на Снегову, она на всякий случай добавила:

— За последнее время, моя дорогая, вы очень посвежели...

Выполнив весь этот замысловатый ритуал, представительница эстрады со страстью, свойственной художественным натурам, ринулась к телячьей печонке — она важно возлежала на прилавке и нагло хвасталась своей ценой. Исследовав печонку, Бойко сказала Снеговой:

— Мой муж её обожает.

Снегова тяжело вздохнула:

— А мой уважал мозги... Но как это теперь всё далеко!..

Бойко сразу догадалась: «Ах, вон она кто!» И, скроив одну из своих испытанных очаровательных улыбок, пропела:

— Я знаю. Я всё знаю. Но верьте мне: он вернётся.

Снегова с ужасом взглянула на собеседницу: муж Снеговой умер пятнадцать лет назад.

— Зинаида Павловна, — сказала она, — вы ошибаетесь...

Но ту не так легко было сбить с занимаемых позиций.

— Я в таких вопросах, милочка, никогда не ошибаюсь. Он вернётся!

— Что вы говорите, Зинаида Павловна! Мой муж находится...

— Нельзя, милочка, падать духом. Верьте моему женскому чутью: он вернётся!

Снегова начала выходить из себя:

— Послушайте, Зинаида Павловна! Дайте же мне вам сказать...

Но Бойко не терпела возражений:

— Я и слушать не желаю. Он вернётся!

— Зинаида Павловна! — вскричала Снегова. — Мой муж умер пятнадцать лет тому назад. Вы меня, видимо, приняли за другую. В нашем театре служит Машенька Балабанова, молоденькая артистка. Так это её муж пропал на войне.

Зинаида Павловна даже бровью не повела.

— Да, я об этом слыхала. И давно от него нет писем? — спросила она.

— Три года и два месяца.

— Не вернётся!

— А Балабанова верит и ждёт.

— Напрасно. Я в этих вопросах, милочка, никогда не ошибаюсь. Не вернётся!..

Снегова хотела что-то сказать. Но первое же слово, точно кость, застряло у неё в горле. Ужас! Она увидела рядом с собою у прилавка Машеньку Балабанову.

«Машенька слыхала глупую болтовню Бойко. Как это нехорошо получилось! Надо бы мне с ней поговорить».

Но Машенька уже исчезла из магазина.

У Снеговой даже голова разболелась. И когда часа через два она шла в театр на дневную репетицию, всю дорогу её терзали печальные мысли: «Бедная Машенька! Как она сейчас убита горем! Мне прямо неловко будет встретиться с ней. Вот дурёха Бойко: «Не вернётся»! Знает она столько, сколько вот эта тумба, сколько вот этот двухэтажный троллейбус. Вот ей назло он возьмёт и вернётся. Но ведь такой срок — три года и два месяца! Чудес, мои милые, не бывает. Чудес, к сожалению, не бывает...»

Когда она вошла в театр, первым её встретил Прохорыч, старый билетёр:

— Ирина Васильевна, у нас чудо свершилось!

— А что такое? Директора, что ли, сняли?

— Нет, не то. Машенька-то наша письмо получила.

— От кого?

— От мужа, конечно. С фронта. Собственноручно сообщает, что жив-здоров.

Из уст Ирины Васильевны вырвалось какое-то междометие. Старик и ахнуть не успел, как артистка сжала его в своих объятиях. Надо отдать справедливость Прохорычу, который, поняв создавшуюся обстановку, даже не пытался сопротивляться.

Вслед за этим Ирина Васильевна кинулась наверх, за кулисы, куда на репетицию собралась почти вся труппа.

Первым, что она увидела за кулисами, это были большие глаза Машеньки, наполненные до краёв удивлением, благодарностью и крупными слезами. Лицо её в этот момент было похоже на лист бумаги, густо испещрённый автографами карминного цвета: семнадцать артисток расписались в любви к Машеньке.

А мужчины подходили к Машеньке, ласково хлопали её по плечу и произносили одно слово:

— Молодец!

Затем все просили Машеньку ещё и ещё раз прочесть письмо Игоря. И каждый раз она, а вместе с ней и её товарищи находили в десяти торопливых строчках письма всё новые и новые прелести. Машеньку опять целовали и опять хлопали по плечу.

Воспользовавшись всеобщим замешательством, специалист по «аналогичным случаям», старый комик Задунайский начал рассказывать какую-то длинную историю об одной солдатке, которая ждала мужа целых двадцать семь лет: ушёл он на русско-турецкую войну, а вернулся из русско-японской...

В обычное время его бы прервали: «Брось, Тихон, трепаться!» Но сегодня по случаю такого праздника старика терпеливо выслушали до конца.

Вчера здесь, в этом театре, точно столбы пыли, носились сплетни, интриги, зависть. Завтра, может быть, всё это повторится. Но сегодня здесь чистый, горный воздух. Сегодня всех этих людей объединила и подняла большая радость — за Машеньку, за товарища, за бойца Красной Армии, который пишет: «Я опять, Машенька, в рядах наших войск и опять бью поганых немцев». И казалось, что это письмо адресовано не одной Машеньке, а всем им.

И они бегали вниз, к телефону, и звонили домой или знакомым:

— У нас в театре большая радость.

Поздно вечером Машенька пришла домой. Это большой дом, заселённый актёрами. Лифта не было. Он большой бездельник и гуляка, этот лифт. Сегодня он опять вместе с вахтёршей Власьевной застрял где-то на верхних этажах. В ожидании лифта Машенька присела на табурет в полутёмной каморке вахтёрши.

Вдруг откуда ни возьмись Бойко собственной персоной:

— Здравствуй, Власьевна, здравствуй, милая!

У Машеньки мгновенно созрело решение: сыграть Власьевну: «Ну я тебе покажу, как трепаться по магазинам!»

— Здравствуйте, голубушка, — ответила она нараспев. — Здравствуйте, Зинаида Павловна. Как в смысле здоровья и полного самочувствия?

— Спасибо, Власьевна. Слыхала, какое большое событие в нашем доме?

— Слыхала, матушка. Как не слыхать, голубушка? Уголь завезли.

— Да я не о том. Живёт в нашем доме одна артистка — Балабанова.

— Как не знать? Хохотунья и вертихвостка.

— Вот-вот. Она самая. А что, к ней много кавалеров шляется?

— Много не много, напраслину возводить не люблю, стара я для этого, а всё же с кем греха не бывает! Вот и вас, голубушка, посещают.

— А всё же кто к ней ходит?

— Всякая братия: и кудлатые и женатые, интенданты и лейтенанты, интеллигенты и агенты.

— Так вот, Власьевна, теперь всем этим женатым эсминцам конец: от мужа она письмо получила с фронта.

— Вот счастливая!

— А я же ей всё время твердила: «Терпи, Маша, терпи и жди. Он вернётся!»

— Ну, и мастерица вы, Зинаида Павловна, языком трепать. Ну, и брехунья вы, голубушка. Ни стыда, ни совести, матушка.

— Власьевна, что ты?

— Тсс! Вот она сама.

— Кто?

Машенька, продолжая разыгрывать Бойко, указала на старушку Власьевну, выходящую из лифта:

— Вот она, эта самая вертихвостка Машенька.

Бойко оставила Машеньку и с разбегу кинулась Власьевне на шею:

— Милая моя! Как я рада за вас! Я знала, что он вернётся!..

Когда Бойко на лифте начала подыматься вверх, ошарашенная старушка ворчала:

— Ишь ты шустрая какая, эта Бойко. Языком бойкая — вот что: «Я знала, что он вернётся». Она знала! А я на девятый этаж пешком бегала, мелкий ремонт ему производила. Без меня лифту сюда вовек не вернуться. «Я знала, что он вернётся!..»

И, взглянув на Машеньку, ещё пуще рассердилась:

— А ты чего смеёшься? Чему обрадовалась?..

На этом разрешите закончить рассказ. Ясно без слов, что Машенька не удержалась и поведала Власьевне про свою большую радость. Может, они обе и всплакнули, — а я терпеть не могу описывать слёзы...

Г. РЫКЛИН

СВЕРХТОТАЛЬНЫЕ ЗАРИСОВКИ

Рис. Ю. Ганфа

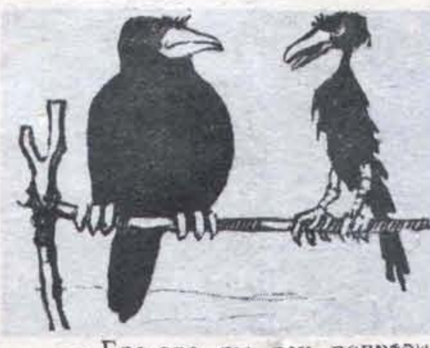

Пьяный возница бьёт потную лошадь,
Глаз лошадиный заплакать готов,
И в такт ударам льются на площадь
Густые потоки чёрных слов.
А рядом ребята на детской площадке
И люди с портфелями держат путь,
Идут—и как будто играют в прятки:
Мы, мол, не слышим! Всё в порядке!
Разве поморщится кто-нибудь.
И кажется всем привычной вещью,
Что меркнет солнце от чёрных слов,
Что лошадь плачет по-человечьи,
А человек – ниже всех скотов...
Мне могут сказать:—Вы не всё рассмотрели,
Чудак! А милиция наша на что?
Послушайте, как выводит трели
Над мостовой милицейский свисток!
Слышу. Вижу. Читаю газеты.
Законы советские знаю и чту.
И знаю ещё, что одним декретом
Не вытравить чёрных слов в быту.
Ко всем хулиганам и сквернословам
Милиционеров нельзя прикрепить.
С чёрным делом и с чёрным словом
Каждому надо в бой вступить.
Эту плесень ушедшего мира
Наше солнце ещё не сожгло:
С улицы—в дом, из трамвая—в квартиру
Чёрное слово, шипя, уползло.
Оно повсюду находит проходы,
Таясь, как зараза, в толпе людской,
Ползёт на фабрики и на заводы,
Гнездится в школе и в мастерской.
Оно, как грязь, прилипает к коже,
Не разбирая лиц и чинов,
И, смотришь, иной начальник не может
И часу прожить без чёрных слов.
Товарищи! Долго ли мы ещё будем
Терпеть сквернословье в своём быту?
Давно пора нам, советским людям,
В родном языке навести чистоту.
Не смеют охальники и хулиганы
Хриплый голос свой подымать
И оскорблять рыготнёй поганой
Высокое, чистое слово Мать!
В стране, где свято чтут материнство,
В стране героических матерей
Пора заклеймить как последнее свинство
Слова, недостойные даже зверей!
Я знаю, есть люди, которые скажут:
«Вы чистоплюй, товарищ поэт!
Чёрное слово, как масло к каше,
и ничего в нём преступного нет!»
И станут доказывать, что народу
Близок набор этих слов гнилых,
Что это слова самой русской породы
И не обойдёшься в работе без них.
Ложь и поклёп на народные вкусы!
Ложь и поклёп на рабочий класс!
В этих речах простовато-искусных
Голос врага унижает нас!
Нет! Не крестьянин и не пролетарий –
Бесславный родитель чёрных слов:
Их выдумал деспот, их выплюнул барин
Для черни, для дворни и для рабов.
Они рождены обжорством и блудом,
В них тёмного времени хамство и злость,
Они появились, чтоб с «чёрным людом»
Могла разговаривать «белая кость...
А нам... нам остатки такого «наследства»
Надо скорей уничтожить дотла,
Чтоб нашу советскую юность и детство
Эта зараза лизнуть не могла.
От слова, грязного и гнилого,
Освободим нашу гордую речь.
Русское, светлое, красное слово
От чёрного слова будем беречь!

Вас. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ

КСТАТИ, О ПОТЕРЯХ

Рис. А. Каневского

— Где это ты так поправилась?
— В соседнем колхозе. Там у нас председатель свой—ворона.

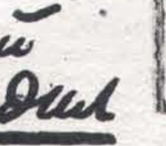
ЗАПАСЛИВЫЙ ВАСЯ

Рис И. Семёнова

— Могу я купить коньки по своему дневнику? У меня масса единиц.

Дорогой Крокодил

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Уважаемый Крокодил!

Судя по одним документам (метрики, паспорт военный билет), я действительно родился 28 лет назад. И меня, как всякого человека, родила мать.

Судя по другим документам (платёжное извещение № 14 Кировского райфинотдела г. Ярославля), мать меня никогда не рожала, и, следовательно, с неё причитается налог за бездетность.

Каким же документам верить? Если мать моя бездетная,— значит, она мне не мать и я ей не сын. Но как же я тогда родился? И родился ли я вообще? Или мне это только кажется?

Б. ЕРШОВ

Полевая почта 51814 Т.

•

Дорогой Крокодил!

Хорошо жилось детям доисторического человека. Достигал этакий доисторический малыш школьного возраста, и не было особых забот его доисторическим родителям. Не нужно было в муках раздобывать школьные принадлежности.

Брал заботливый доисторический папаша несколько подходящих камней — и вот готовы для отпрыска тетради в клетку и в косую. Иди и учись.

Но это было очень давно. Теперь другое время. Теперь нужны и чернила, и ручки, и перья, и карандаши, и настоящие тетради. Это ни для кого не является новостью. Об этом, вероятно, также догадывается и Сергачский отдел народного образования.

А если он об этом догадывается, то почему не позаботится снабдить ребят необходимыми принадлежностями? А то нашим детям либо не на чем писать, либо нечем писать, либо не на чем и нечем писать.

М. ШЕВЕЛЬ

г. Сергач,
Горьковской области.

ВЕЖЛИВОСТЬ СО ВЗЛОМОМ

Рис. Бор. Ефимова

— Будьте так любезны!.. Разрешите пройти!..

Умная мама

—ДОМИК у нас мамаша, ничего себе. Подходящий. Летом — прохладный. Зимой — тёплый. Если, конечно, уголька достать...

— Вот именно, если достать.
— А что же. Достанем.
— Погляжу, как ты достанешь.
— Не будьте, мамаша, таким скептиком. Пойду в контору, напишу заявление и достану.
— Гляди, Васенька, зима на носу. Как бы мы с твоими заявлениями не померзли.
— Будьте уверены.
— Посмотрим.
— Увидим.

Антошкин бодро надел драповое пальто, сунул ноги в глубокие калоши и, охваченный радужными надеждами, отправился в контору.

Небо хмурилось. Дул довольно холодный ветер. Мамаша зябко куталась в шерстяной платок и печально усмехалась.

Вернулся Антошкин вечером.

— Ну что? Достал уголь?
— Достал. То есть не достал, а почти достал. Велели придти в среду.
— Васенька, — сказала мамаша.— Водки у тебя случаем нет? Литра два? И папирос «Казбек»? Сотню?
— Для чего вам?
— Как это для чего? Для того что холодно становится. Гляди, скоро снег пойдёт. А у нас не топлено.
— Что ж это вы водкой будете согреваться?
— Буду водкой согреваться.
— Гм... А папиросы вам для чего?
— Согреваться.
— Папиросами?
— Папиросами.
— Мамаша, не раздражайте меня.
— Гляди, померзнём.
— Не померзнём. В среду пойду в контору, подам заявление, привезу тонну уголька...
— Дурак...
— От родной мамы такие слова! Мне это больно.
— А ты не будь дураком. Дай два литра и сотню «Казбека».
— Для чего?
— Уж говорила для чего. Греться будем.
— Не померзнём.
— Увидим.
— Посмотрим.

В среду Антошкин потеплее оделся, сунул нос в кашне и отправился в контору. В воздухе кружились первые снежинки. Вернулся Антошкин поздно вечером. Лицо его сияло. Изо рта вылетали клубы пара.

— Достал?
— Достал. То есть не вполне достал, а сказали, чтобы приходил во вторник или лучше всего в пятницу. Тогда обещали дать.
— Замёрзнем, Васенька. Я уж коченею.
— Не замёрзнем.
— Увидим.
— Посмотрим.

Во вторник Антошкин пошёл в контору ранним утром, когда косматое, морозное солнце только что появилось над обледенелой крышей. Вернулся поздно ночью не в духе. Молчал. Спал в шубе и валенках.

Ночью мамаша подошла к его постели:

— Васенька...
— А?
— Дай два литра и сотню «Казбека».
— Не дам.
— Почему?
— Принципиально.
— Помёрзнем.
— Не помёрзнем. В пятницу обещали непременно дать.

В пятницу Антошкин вернулся глубокой ночью. Под глазами были синяки. Глаза лихорадочно блестели. Мамаша в салопе и ковровом платке топала валенками. Красивый иней сверкал на стенах.

— Достал?
— Достал. Почти достал. Обещали в...
— Дай два литра и сотню «Казбека».
— Не дам.
— Но почему же, Васенька? Ведь вымерзнем.
— Принципиально. Я знаю, для чего вам водка и папиросы! — закричал Антошкин. — Вы хотите взятку дать!
— Замёрзнем.
— Пусть замёрзнем. Но взятки давать не будем.
— Как хочешь, Васенька.

На рассвете Антошкин вскочил. Руки у него были красные, как морковка. На волосах сверкал иней. Он бросился к постели мамаши, долго рылся в шубах, половиках, коврах, перинах и, наконец, откопал старушку.

— Мамаша...— хрипло сказал он.—Если бы я жил в другом доме... Но в нашей конторе засели жулики. Мамаша, не могу больше! Чорт с ним! Берите два литра и сотню «Казбека».

— И умница, Васенька. Давно бы так.

Мамаша поспешно оделась. То есть вернее разделась: сняла с себя лишнюю шубу, положила в котомочку два литра доброй московской водки и сотню «Казбека», перекрестилась и деятельной старушечьей походкой засеменила к дверям.

Через час во дворе раздался грохот сваливаемого угля и бодрый молодой человек с чёрным носом ворвался в комнату:

— Вы Антошкин?
— Я Антошкин.
— Распишитесь.
— А что?
— Ничего. Распишитесь здесь и здесь. Уголёк вам привезли. Счастливо оставаться! Грейтесь на здоровье. У нас это быстро.

От молодого человека приятно попахивало доброй московской, и во рту дымился «Казбек».

Старик САББАКИН.

Уважаемый Крокодил!

Кельбесский Золотопродснаб, терзаемый заботами о геологах Салаирской бокситовой экспедиции, выделил по наряду для нашей барзасской партии одну колоду карт и две коробки пудры.

Известив нас о столь щедром даре, Золотопродснаб, возглавляемый тов. Полосухиным, предложил нам: «Получите талоны и распределите».

Распределить было бы легко: каждому досталось бы по две чайных ложки пудры и по три карты. Но мы решили не дробить пудры и карт.

Пудру мы перешлём управляющему западносибирским Золотопродснабом. Она ему очень пригодится: ведь ему часто приходится краснеть за своих ретивых работников из Кельбеса.

А карты мы оставим себе. Будем в свободное время гадать, чем еще порадует нас кельбесский Золотопродснаб.

Э. КУЛИКИНА,
редактор стенгазеты «Боксит».

г. Салаир, Кемеровской обл.

МЕРЫ ПРИНЯТЫ

Рис. Л. Бродаты

— Что это завбазой каску надел?
— Для безопасности. На нём, уж которая шапка горит.

•

Дорогой Крокодил!

Ну, что за нечуткий человек почтальон Лякова! Никак не хочет помочь прокуратуре Кировского района города Иркутска в её многообразной и сложной работе. Другой бы на её месте пожалел бы прокуратуру и объявился. А она, совершив ряд злоупотреблений по службе, скрылась и теперь заставляет бедных работников прокуратуры ломать себе голову над её местопребыванием. Они бы и рады привлечь Лялкову к ответственности, но где она? Прокуратура так и пишет: «Имея в виду, что проверить объяснения Ляликовой не представляется возможности, так как последняя скрывается за совершение самовольного ухода с работы, в возбуждении уголовного преследования против гражданки Ляликовой Ольги Ивановны отказать».

Почтальон Лялкова, не мучайте прокуратуру, сообщите, где вы? Помогите правосудию восторжествовать.

ХВОРОВ,
начальник конторы связи

г. Иркутск.

В музыкальных радиопередачах до бесконечности передаются одни и те же арии и отрывки из балетов.

Рис. Б. Фридкина

Вот что наделали песни твои!..

СКОРАЯ ПОМОЩЬ

Рис. Г. Валька.

— Вы жалуетесь, что крыша течёт, а вы, — что водопровод испорчен. Так в чём же дело? Меняйтесь квартирами — и порядочек!..

Рис. Ю Ганфа

ГЕНЕРАЛЬНАЯ УБОРКА

— Вот что, Михай, поскольку русские в Бухаресте, надо бы припрятать кое-какие мелочи, вывезенные нами из Одессы...

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. „Правды", 24, тел. Д 3-32-50, Д 3-33-47. Приём ежедневно с 1 до 5 час. Подписная цена на журнал—1 руб. 60 коп. в месяц.
Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда"

Москва. Изд № 637. Подп. к печати 21/X 1944 г. Статформат 72×105 см. Печ. л. 1. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000

А5319 Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24. Заказ № 2491 Тираж — 100 000 экз.